

ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ. О
ЛЖЕНАУКЕ, ХИМИИ И
БУДУЩЕМ РОССИИ

Кто мы?

Дмитрий Менделеев

**Заветные мысли. О лженауке,
химии и будущем России**

«Public Domain»

1876-1905

УДК 82-94
ББК 84(2)

Менделеев Д. И.

Заветные мысли. О лженауке, химии и будущем России /
Д. И. Менделеев — «Public Domain», 1876-1905 — (Кто мы?)

ISBN 978-5-00180-072-9

Дмитрий Иванович Менделеев остался в истории науки как автор легендарной периодической таблицы химических элементов. Однако сфера его научных интересов была значительно шире, чем принято считать. Именно этот человек стал основоположником борьбы со лженаукой и опубликовал подробное исследование модного в годы его жизни спиритизма, был основоположником не только химии, но и социологии, а также активным общественным деятелем своего времени. Работы, посвященные гуманитарным наукам, будущему России, путям развития общества и науки, составили основу этой книги. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94

ББК 84(2)

ISBN 978-5-00180-072-9

© Менделеев Д. И., 1876-1905

© Public Domain, 1876-1905

Содержание

Материалы для суждения о спиритизме	6
Предисловие	6
Публичное чтение о спиритизме Д. Менделеева	9
Два публичных чтения о спиритизме	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Иванович Менделеев
Заветные мысли. О лженауке,
химии и будущем России

© ООО «Издательство Родина», 2021

Материалы для суждения о спиритизме

Предисловие

Исследования над изменением упругости воздуха под малыми давлениями завлекли меня в изучение вопроса о верхних слоях земной атмосферы, где воздушное давление менее, чем на поверхности Земли. Понятие о высших слоях атмосферы мы можем иметь не только из лабораторных опытов над разреженными газами, но также из наблюдений над облаками, которые идут на больших высотах (таковы особенно перистые облака), а точнее всего, из аэростатических поднятий, совершаемых с измерительными приборами.

Два последних способа принадлежат к области метеорологии. Блестящее и быстрое развитие, которое получила эта наука в последние годы, отлично выражено в популярной современной книге норвежского ученого Мона, являющейся ныне в переводе на русском языке. Метеорологические вопросы, касающиеся верхних слоев атмосферы, имеют важное и живое значение по отношению к дальнейшим успехам учения о погоде. Лабораторные мои исследования над упругостью газов идут; на них есть и средства, благодаря участию в этом деле и Русского технического общества, для них нашлись и сотрудники. Это дело обеспечено в дальнейшем своем движении. Хочется получить возможность выполнить и другое заветное желание – побывать выше облаков, внести туда измерительные приборы. Меня тянет теперь в те места. Желание быть там побудило меня и к изданию этой книги.

Рассматривая ряд данных, добытых Глешером в его воздушных путешествиях, описанных в «Report of the British association for the advancement of science» (начиная с 1862 по 1865 г.), я подметил некоторую эмпирическую законность в изменении температуры разных слоев атмосферы. Об этом я сообщал в конце 1875 г. и в начале 1876 г. в Физическом обществе, состоящем при С.-Петербургском университете, а потом в «Archives des sciences de la Biblioteque universelle de Genève» (Mars., 1876). Тогда же высказал я мысль о необходимости новой проверки опытным путем как этого закона, так и вообще добытых данных, – при помощи новых систематических восхождений на аэростате в верхние слои атмосферы. Теория метеорологической стороны вопроса в том виде, в каком он ныне представляется мне, изложена мною в сообщении, сделанном в декабре 1875 г. в Физическом обществе и в Парижской академии наук («Comptes rendus», Dec., 1875). Оставаясь верным научным преданиям, – не должно, однако, довольствоваться ни эмпирическими выводами из добытых уже данных, ни теоретическим развитием: они одни недостаточны для достижения истины, – необходимо иметь новый запас данных, усовершенствовать способы наблюдения, на новом опыте, на иных наблюдениях проверять найденное и тем доказывать или опровергать. Критика и анализ сильны были и в прежние времена; опытной проверкой современная наука пролагает свои пути, отличается от схоластики, убивает рутину. Для этого, однако, должно разнообразить условия опытов и наблюдений, иначе можно не видеть ошибок. Россия с ее континентальным климатом, во многом отличающимся от островного климата Англии, где совершены восхождения Глешера, весьма прилична для новых аэростатических восхождений, для проверки выводов из данных, полученных Глешером.

Об изучении верхних слоев атмосферы мечтал еще Ломоносов. Первое воздушное восхождение, назначенное для целей метеорологии, было предпринято из Петербурга академиком Захаровым с аэронавтом Робертсоном в 1804 г. Знаменитое восхождение Гей-Люссака было произведено в том же году, спустя два месяца. Россия, значит, не чужда зародышу мысли об изучении метеорологических явлений в верхних слоях атмосферы.

На первом съезде русских естествоиспытателей профессор Ковальский возбудил этот вопрос, рассматривая астрономическое преломление. Его поддержало внимание и ходатайство всего съезда; но поднятия не осуществились. Для них нужны крупные средства, в особенности если дело идет о том, чтобы достичь больших высот и сделать несколько восхождений в разные часы дня и ночи и в разные времена года, в разных местностях. На больших высотах воздушное давление так мало, что человек не может действовать свободно; Цамбекари, Глешер и другие страдали в этих высотах; Кроче-Спинелли и Сивель в прошлом году погибли там оттого, что неблагоприятно долго оставались на высоте около восьми верст над поверхностью Земли.

А есть большой интерес побывать там и сделать соответственные наблюдения. Для того, чтобы правильно судить о том, что совершается в атмосфере, необходимо опытное знание разных ее слоев, а особенно тех, в которых еще ходят облака, потому что эти слои участвуют в атмосферных движениях и переменах, составляют лабораторию погоды. В наших широтах испаряется в течение года гораздо менее воды, чем падает в виде дождя и снега, – эта вода принесена из-под тропиков, вместе с массой воздуха. Недаром люди заглядываются на облака – они вестники из мест, где колыбель людей.

В верхних слоях воздуха идут токи тропического и полярного ветров. Где и когда они господствуют, как это влияет на климат и на погоду? Знают это мало.

Умозаключая – как раз ошибешься. Надо и наблюдать за облаками и наблюдать среди них, смотреть и рассмотреть, предполагать и проверять на деле. Это сложнее, чем только обсуждать, критиковать, чем анализировать, но это необходимо, если не желаешь довольствоваться недостаточным. Тот, кто утверждает нечто, тот и должен искать опытных доказательств, не должен отступать перед трудностями. Исследователи не должны забывать этого. Приближаясь к границе атмосферы, мы можем составить более точное суждение, чем с поверхности Земли, о том состоянии, которое имеет воздух, весьма удаленный от земной поверхности.

Подняться же в высокие области атмосферы можно только на большом аэростате. А для того, чтобы производить там наблюдения, ознакомиться и с частностями, и с общей картиной, для этого необходимо некоторое время. Чтобы безопасно оставаться под малыми давлениями в высоких слоях воздуха, я предполагаю, вместо корзинки или лодки, снабдить аэростат замкнутым сосудом, в котором наблюдатель будет оставаться под давлениями, близкими к атмосферному. Тогда он будет в состоянии производить там отчетливые наблюдения, не подвергаясь телесным страданиям. Тогда можно устроиться удобно, как необходимо для того, чтобы голос тела не заглушал стремления; однако сначала должно попробовать и попытать разные приемы.

Сверх того, для самых высоких поднятий необходимо наполнить аэростат не светильным газом, как делается обыкновенно, а нарочно добытым и гораздо более дорогим – чистым водородным газом. На устройство аэростата, на наполнение его водородом, на устройство подходящих приспособлений и приборов, на пробы и на кучу мелочей необходимы большие средства. Эти средства я предполагаю отчасти восполнить продажей пяти исчисленных на обороте этой книги сочинений, предназначая выручку от их продажи на устройство большого аэростата, способного для высоких поднятий.

Ежегодно предполагаю публиковать отчет о приходе и расходе сумм, могущих собраться этим путем, т.е. продажей пяти для того назначенных моих книг, потому что – стану считать себя обязанным пред подписчиками на мои издания. Они, платя за книги, станут участниками моего предприятия. Не смею думать, однако, что путем продажи своих книг выручу те два, три десятка тысяч рублей, которые необходимы для организации дела; рассчитываю только на получение тех сравнительно небольших средств, которые нужны для начала, для устройства одного аэростата, емкостью примерно в 2–3 тыс. куб. м, и для нескольких невысоких полетов¹.

Когда первые подъемы совершатся, средства, в том убежден, найдутся; найдутся и у нас люди, которые возьмутся за окончание начатого. Поймут же, наконец, что на дне воздушного океана, на котором мы живем, нельзя получить из метеорологических наблюдений понятия о

том, что делается сверху, а без того нельзя точно судить ни о причинах, определяющих климаты, ни об отступлениях от средних норм, т.е. о погоде.

Для ползающего на дне морском неведомы бури поверхности; так и нам почти неизвестны явления, в верхних слоях атмосферы совершающиеся. Даже определения высоты и скорости облаков и направление их движения не ведется еще в метеорологических обсерваториях с надлежащею полнотою и правильностью, как ведутся наблюдения над направлением и силою ветров, дующих по поверхности земли. Если обстоятельства не позволяют предпринимать аэростатические восхождения, придется ограничиться изучением облаков – издали, не соперничая с ними высотой и скоростью. И на это дело, в том виде, как оно представляется мне, нужны немалые средства. В облаках только малая доля составных начал воздуха. Один аэростат может дать полное знакомство с высшими частями атмосферы, он сам становится частью воздуха, облако ему – собрат.

Решившись преследовать цель изучения верхних слоев атмосферы, я не смущаюсь перед мыслью о том малообычном способе, к которому прибегаю для получения средств, необходимых для такого изучения. Найдутся, вероятно, осуждающие. Предлагая желающим принять участие в научном предприятии, я имею в виду тех, кто умеет и захочет вникнуть в обстановку всего дела; они увидят, что мною руководит.

Члены комиссии Физического общества, учрежденной для рассмотрения медиумических явлений, отдали в мое распоряжение все дела этой комиссии, предоставили мне их опубликовать, зная, что книга, содержащая эти дела, будет назначена для цели устройства аэростата.

К этим материалам, помещенным в первом отделе книги, прибавился ряд статей, составляющих второй отдел. Большинство их представлено в мое распоряжение посторонними лицами, знавшими цель моего издания. Как ни далеки кажутся два таких предмета, как спиритизм и метеорология, однако и между ними существует некоторая связь, правда отдаленная. «Спиритическое учение есть суеверие», как заключила комиссия, рассмотревшая медиумические явления, а метеорология борется, и еще долго будет бороться с суевериями, господствующими по отношению к погоде. В этой борьбе, как и во всякой другой, нужны материальные средства. Пусть же одно суеверие послужит хоть чем-нибудь против другого.

Спешу заявить большую мою личную признательность членам Комиссии для рассмотрения медиумических явлений, уступившим мне издание их трудов, г-ну Квитка, г-ну Мясо-едову, И.И. Боргману, А.Н. Гезехусу, Е.Г. Бекетовой, В.А. Манассеину, К.Д. Краевичу, В.Л. Кирпичеву и В.А. Гемилиану, которые помогли мне своими трудами в издании этой книги.

Если воздушный шар устроится – их имена будут его украшать.

Д. Менделеев

Апрель 1876 г., С.-Петербург

Публичное чтение о спиритизме Д. Менделеева

15 декабря 1875 г., в аудитории II Русского технического общества, в здании «Соляного Городка» в С.-Петербурге. Сбор назначался в пользу славян, пострадавших при восстании в Боснии и Герцеговине²

Милостивые государи!

Желая помочь страдальцам, вы собрались здесь узнать, что сделала Комиссия для рассмотрения спиритических явлений, образованная весной этого года при Физическом обществе, состоящем при С.-Петербургском университете. Я буду иметь честь сообщить вам протоколы заседаний комиссии, но предварительно считаю не излишним сказать несколько слов о состоянии спиритического вопроса и о положении этого дела у нас.

В таком новом, выплывшем недавно на свет, вопросе, каков спиритический, нельзя было бы обойти точного и прямого определения того, какие явления должно считать за спиритические, если бы не было сомнения в самом существовании этого особого класса явлений. Ведь вы знаете, конечно, что только небольшой кружок ученых считает доказанным существование спиритических явлений и что большинство отвергает их самобытность. Можно, однако, обойти представляющееся неудобство.

Если некоторое явление называют атмосферным, то этим не признают в атмосфере каких-либо новых атмосферных сил, а хотят только означить место действия. В таком смысле спиритическими явлениями должно назвать те, которые происходят на сеансах, совершаемых чаще всего по вечерам, в темноте или полутьме, в присутствии особых лиц, называемых медиумами; явления эти имеют, в общих чертах, сходство с так называемыми фокусами и потому представляют характер загадочности, необычайности, невоспроизводимости при обычных условиях.

Такое определение да не внушит вам мысли о том, что я лично считаю все явления спиритические за фокусы. Нет, я искал и не нашел более точного определения, привожу то, которое считаю беспристрастным и точным. Если стол под вашими руками скользит и колеблется в обыденной обстановке, вы не обращаете на это внимания, но если вы садитесь за стол, ожидая его скольжения и колебания, если вместе с вами сидят несколько других лиц – сеанс сделан, а если стол затем пошевелился – это может быть или не быть явлением спиритическим. Явление будет, наверно, спиритическим, если с вами сидит лицо, заведомо обладающее медиумическими способностями, и если вы сами сознательно не производите движения, а особенно если при этом столдвижение будет иметь некоторый осмысленный или необычайный характер, например, если стол одною своею ножкою будет выстукивать условным образом ответы на заданные вопросы или подниматься на всех своих четырех ножках.

Вы видите, что дело сводится на необычайность явлений и на медиумов. Быть может, придет время, что и многие атмосферные явления кто-либо отнесет к спиритическим, как пришло время отнести магнитные к электрическим. Суть дела, по словам спиритов, не в том, чтобы разобрать столдвижение или тому подобные слабые спиритические явления, подобные обычным, а в том, чтобы сперва признать, а потом понять, дать гипотезу и законы таким явлениям, которые нигде и никогда, иначе как в присутствии медиумов, не совершаются.

Какие же классы таких явлений? Спириты считают четыре таких класса: 1) движение неодушевленных предметов, при прикосновении рук, особенно поднятие предметов и изменение их веса; 2) движение неодушевленных предметов без прикосновения рук человеческих или без постороннего двигателя, особенно же происходящее тогда изменение веса предметов и поднятие; 3) явления диалогические (разговорные) и психографические, т.е. движения и звуки, имеющие характер осмысленности, например движение предметов по заданному направлению, ответы неодушевленных предметов на вопросы и т.п.; 4-й класс явлений назван медиумо-пла-

стическими (или материализацией). Сюда относится образование или появление частей человеческого тела и полных человеческих фигур. Особенное значение спириты придают этой четвертой группе явлений.

Если бы не подразумевалось того, что вышеисчисленные явления совершаются на сеансах, в присутствии медиумов, то к первому разряду можно было бы отнести движение часов, которые держатся в руках, ко второму – движение воздуха или облаков в атмосфере, к третьему – все роды гаданья, а к четвертому – живопись, скульптуру и явление фигур в фокусе камер-обскур и тому подобных приборов. Но мы имеем свидетельство весьма большого числа почтенных и полного доверия заслуживающих лиц, которые сами сперва думали так же, как и всякий другой, что спиритические явления суть фокусы, а со временем убедились, что на сеансах с медиумами происходят явления, необъяснимые ни фокусами, ни физическими приборами, ни другими способами, известными до сих пор, а потому составляющие явления *самостоятельные – спиритические*. Как же нам не верить свидетельству некоторых лиц в самостоятельности того, что совершается на сеансах и при медиумах, если мы не имеем повода им не верить?

Сеансы бывают двух родов: публичные или частные, в присутствии записных медиумов, и домашние без присутствия профессиональных медиумов. Эти последние действуют наиболее убедительно. Сеансы бывают удачные и неудачные, но спириты не заметили до сих пор условий, определяющих эти обстоятельства, хотя и утверждают положительно, что присутствие лиц, не верящих в самостоятельность спиритических явлений, в большей части случаев не препятствует явлениям, что подтверждают своим прежним опытом. Неудача может происходить оттого, что между присутствующими в домашнем кругу нет медиума. Однако опыты спиритов показали, что средним числом из восьми лиц, особенно между дамами, есть большая вероятность встретить одно лицо, обладающее медиумическими способностями. Ныне свидетельствуют, «что доходят отголоски и из русского общества о проявлении медиумических способностей у разных лиц, живущих как здесь, так и в разных местностях империи».

Но и в присутствии *медиума* совершаются не всегда и не всякие спиритические явления. Все дело в силе и специальности медиумов. Иногда медиумизм свойствен членам целого семейства, но в разной мере и силе. У одних медиумов, и такие чаще всего встречаются, только движутся предметы при прикосновении рук – это физические медиумы; у других, сильнейших, и без него совершаются явления разного рода: так, например (передаю слова одного спирита), в совершенно темной комнате, когда двое держат сильного медиума за руки, один из присутствующих чувствует, что кто-то берет его за палец и вместе с рукою поднимает вверх и возносит над головою. У сильнейших медиумов движутся очень тяжелые предметы, например комоды, для движения которых действительно нужна большая сила; у слабейших медиумов движутся звонки, бубны, гармоники и тому подобные, действительно более легкие, предметы. Немногие только из медиумов способны к вызову явлений материализации, к демонстрации (вызову) несуществующих, новых, членов человеческого тела, рук, головы, торса и, наконец, целого осязаемого тела человеческого с одеждою, волосами и всеми привычными атрибутами живого человека, к произведению на сеансах цветов и т.п. Являющиеся в таких случаях люди суть, по уверению медиумов и спиритов, лица, в действительности не существующие, но некогда жившие на земле.

Обыкновенно при исчисленных, так сказать, высших спиритических явлениях медиумы впадали в особое состояние, называемое *трансом*. Это состояние бессознательное и бесчувственное, как сон, сопровождающееся иногда речами, напоминающими бред, движениями, подобными конвульсиям. В это состояние медиумы приходят чаще всего в полутьме или в совершенной темноте; музыка тихая, но постоянная помогает ему, свет, день – препятствуют, и тем более, чем медиум слабее, по крайней мере, у обычных медиумов, наступлению транса и связанных с ним спиритических явлений.

Удостоверившиеся в существовании спиритических явлений составили и держатся одной гипотезы, придавшей всему учению его наименование, а именно полагают, что *причину этих явлений составляют духи*, вне людей, самобытно существующие и все названные явления производящие. Это они стучат в столе, это они двигают им, звонят в колокольчик, гремят бубном, облакаются в свойственный им человеческий образ или образуют только части человеческого тела, или приносят цветы. Уподобляясь людям – духи носят и людские имена. Иным спиритам такая гипотеза кажется очень наивною, и они признают, что в медиумических явлениях есть нечто необъяснимое, а от гипотезы воздерживаются, хотя с полною солидностью выработанного мнения, и требуют согласиться с *де Морганом*: «Физические объяснения легки, но до жалости недостаточны, духовная гипотеза хоть и достаточна, но трудна». Труд, конечно, подразумевается не в создании гипотезы, потому что гипотеза гномов, эльфов, ведьм, домовых и т.п. создана уже давно и так же связана с гипотезою спиритов, как древняя гипотеза об атомном составе материи связана с современною гипотезою о строении тел; трудность, конечно, предполагается в доказательствах, т.е. в измерении и объективности, но мне неизвестны даже и попытки этого рода – по отношению к гипотезе спиритов.

Нельзя обойти молчанием, что для объяснения многих спиритических явлений, а особенно диалогических явлений, сами спириты признают достаточною особую гипотезу «*бессознательной церебрации*», которой держался Фарадей, разбиравший спиритические явления, и которую удержал и развил особенно Карпентер. Однако она, продолжают спириты, оказывается несостоятельною, признав добросовестно, а не на выбор, верными подтвержденные известными лицами спиритические факты. По мнению спиритов, гипотеза Карпентера не может объяснить поднятия столов на воздух или передвижения предметов без прикосновения, игнорирует чужие наблюдения и вообще не стесняется в критических приемах. Не спириты – многие ученые прибегают иногда для объяснения известных спиритических фактов к гипотезе механических сотрясаний, производимых руками; так Шеффлер развивает подобную гипотезу для объяснения движений стола, г-н Квитка прилагает ее и ко многим другим спиритическим явлениям. Иные даже решаются думать, что все дело в *обмане*, производимом медиумами.

Так как спириты вообще заметили, что по отношению к медиумизму часто встречается у многих ученых самомнение, отсутствие объективности или пристрастность, и так как, по словам упомянутого выше ученого спирита де Моргана, «спиритуалисты, несомненно, стоят на пути прогресса в физических науках, а противники их ратуют *противу оного*», то я, не желая идти против прогресса физических наук, воздерживаюсь от суждения о спиритической гипотезе, думая, что мнение родится в вас самих, зато я старался как можно ближе держаться подлинников, составляя все здесь сказанное.

Нельзя мне затем пройти молчанием доводов спиритов в защиту своих мнений и не сопоставить их с мнением лиц, отвергающих существование особого класса явлений, называемых медиумическими, или спиритическими.

Спиритами не рождаются, спиритизму в школе не учат, до него доходят опытом, наблюдением и умом. Это весьма важно для суждения о спиритизме, потому что показывает смелость мысли, самостоятельность и новизну суждения, расширение области знаний. Кто же не ратует за них? Когда вы скажете: «Мало ли в новейшем есть ложного, ни на чем не основанного?» – вам ответят, что явления и даже самые понятия спиритов существовали во все времена, но только ныне их обособили, дали им свою область, готовят сделать науку, которая свяжет учение о материи с учением о духе, скрепит разрозненные звенья направлений человеческого знания. Вы поспешите, может быть, сказать, что нет нужды говорить о том, что будет, должно остаться пока при современном строе веками выработанных понятий, но тогда вы, вероятно, услышите ответ: «При таком способе действия знание не станет развиваться, передовому не будет места».

Когда вы заявите, что место есть, что вы не желаете стеснять тех, кто верит в спиритизм, а тем паче тех, кто наблюдает спиритические явления как научные, вы почти, наверное, будете обличены в индифферентизме, косности и самомнении, потому что «каждый неразъясненный факт, который лежит на пути нашего развития, непременно рано или поздно войдет в область нашего сознания, потому что таковы условия, таков путь развития, и другого пути не было и не будет». Согласные с такими возвышенными мыслями, вы обратитесь к этим фактам и укажете на малочисленность спиритических фактов, на их неясность, объясните столоверчение произвольными движениями, подобными массе известных вам других обычных фактов, скажете, что для объяснения других, по сознанию самих спиритов, достаточны гипотезы Фарадея и Карпентера, что часть фактов сомнительна, что много есть простых обманов, считаемых за спиритические факты, что вы не хотите быть исследователем явлений, боящихся света, а потому не видите интереса в изучении спиритизма.

Такая речь совершенно опровергается следующими соображениями: «К сожалению, хлеб добывать нужно, и медиумы профессиональные часто помогают себе сознательно, когда дело не идет медиумически, но ведь все это имеют в виду такие громкие имена, как те, которые заявили себя за спиритизм, ведь это все почти натуралисты, биологи, химики, астрономы, математики, и нельзя же предполагать, что они не сомневались. Пришел конец их сомнениям, и они открыто и прямо пристали к учению, отвергаемому преобладающею массою ученых». Далее присовокупляют: «Есть факты несомненные во всех категориях спиритических явлений, засвидетельствованные людьми, заслуживающими полного доверия. Что же вы о них скажете?»

«Да ничего», – часто отвечают спириты. Ведь изучение спиритизма не дало еще пока никакой новой истины, состоит только в рассказах, напоминающих святки, лишено точности, требующейся для научного вывода. Такое легкое отношение к авторитетам науки, по справедливости, заставит напомнить, что Крукс и мерял и взвешивал, исследуя спиритические явления, что подобные же приемы применяли и другие ученые, что чистой науке нет никакого дела ни до того, что выйдет в конце концов из наблюдаемых фактов, ни до того, на что они похожи, что спиритическая наука молода и, как все такие, не богата плодами, – все дело в самой по себе истине, а польза родится. Спиритизм же характеризуется тем, что затрагивает стороны жизни, близкие каждому, его интерес выше интереса многих других классических и реальных знаний. Основой его служат факты, которые каждый может легко проверить, стоит сделать несколько сеансов в известном кружке лиц, которым доверяете, и иметь терпение подождать, чтобы видеть существование еще не понятого.

Вы возразите: «Знаю, что еще много есть непонятого, что вы сидели, сидели и ничего не видели, кроме движения стола, в чем не видите ни толку, ни пользы для какой-либо науки, потому что убедились в толчках, которыми незаметно двигается стол, особенно когда устанешь».

Но вы не забудьте, что медиумические способности бывают в разной мере, а потому ваши единичные опыты ничего, в сущности, не говорят. Не только, подобно незабвенному Галилею, можно сказать: «А все-таки столы вертятся», – но и вместе с моим другом Н.П. Вагнером должно прибавить, «что свобода исследования, свобода мысли есть желанный лозунг *последних веков*».

Примешались к этим суждениям упреки, с одной стороны, в гонении, с другой – в чертовщине, потом с третьей – в пиетизме, ханжестве, материализме, позитивизме и т.д.

Где же выход из этого? Что же думать о спиритизме тем, кто хочет следить за успехами наук? Новых ли истин ждать от него или это старые бредни? Ответить может только опыт, веденный со вниманием и беспристрастием. Следует определить прежде всего: совершаются ли в спиритических сеансах в присутствии медиумов явления, не объясняемые известными до сих пор силами природы; для того в опыте, кроме неизбежного медиума, должны участвовать лица, верящие и не верящие в спиритизм, опытные в нем и такие, которые ничего спиритиче-

ского не знают, но о видах явлений природы имеют точное научное понятие. Первые научат вторых, что делать. Те и другие должны друг другу доверять. Нельзя при этом предоставить окончательного суждения спиритам, потому что они представляют в таком собрании сторону ту же, к которой относится медиум, а лучше пока и никакого суждения о спиритизме не высказывать, а только записывать, отмечать факты, – обсудить их может каждый, а для собирания наблюдений необходимо иметь условием привычку точно наблюдать и анализировать факты разнообразные и знакомство с общею картиною явлений природы. Такие условия представляются, по моему мнению, в наибольшей мере соединенными между физиками. Физику, занимающемуся разработкою науки, нельзя, как многим другим научным деятелям, особенно на поле описательного естествознания, сузить область своих занятий потому, что у физики нет внешнего объекта изучения, как у химика, астронома, математика, биолога, ему приходится иметь дело попеременно и с математикою, и с механикою, и с областью химических, физиологических и вообще биологических знаний. Физику называют иногда методикою естествознания.

Вот причина, объясняющая внесение вопроса о спиритизме в наше Физическое общество, состоящее с 1872 г. при С.-Петербургском университете и издающее вместе с Русским химическим обществом отдельный журнал, при котором явится отчет о том, что сделали члены его по отношению к исследованию спиритизма. Поводом к внесению вопроса о спиритизме в Физическое общество послужило распространение в нашем обществе занятий спиритизмом. Началось дело в последние годы с медиума г. Юма, развилось под впечатлением сеансов прошлой зимы г. Бредифа. Руководителями общественного мнения явились гг. Аксаков, Бутлеров и Вагнер, наши апостолы спиритизма. Какие имена! Фамилия первого из них напоминает русскому уху семью горячих и верных искателей истины. Хотя Александр Николаевич Аксаков и работает в иной области, чем дорогие всем нам другие Аксаковы, но родственная связь видна в беззаветной вере, в твердой поступи, в бойком пере и в русской размашистости шагов, какие делает Александр Николаевич, пропагандируя спиритическое учение в России, издавая немецкий журнал «Physische Studien», посвященный спиритизму, и принимая на себя немало труда при изучении спиритизма. Имена Александра Михайловича Бутлерова и Николая Петровича Вагнера, моих товарищей по науке и роду деятельности, мне нет надобности освещать вам, я убежден, что вы хорошо знаете их, как передовых деятелей русской науки, одного как известного химика, и другого – как биолога. Бутлеров поверил спиритизму при помощи Аксакова, Вагнер – чрез Бутлерова. Последователи превзошли своего руководителя и горячо взялись за его дело. В наших журналах стали появляться одна за другою статьи с их подписью. Это обстоятельство не лишено значения. Не имей Вагнер и Бутлеров авторитетности как натуралисты, публика не встрепенулась бы, и едва ли наши крупные журналы взяли бы статьи о спиритизме, тем более что печать всюду была против спиритизма. И вот на эту борьбу открыто и прямо пошли мои почтенные товарищи, выступив со своими спиритическими статьями не в ученых обществах, где было бы настоящее место оригинальному, новому воззрению на явления природы, где место разбора и проверки новых, еще не известных фактов, где борьба ведется и регулируется приемами, установившимися в науке. Они перешли эту дорогу, пошли за А.Н. Аксаковым и прямо на ученых апеллировали обществу.

Вот причины, заставившие многих задуматься над спиритизмом, разбирать эту специальность, интересоваться ею так, как ни одно еще новое открытие до сих пор не интересовало. Много вечеров пошло на спиритические сеансы, много остроумия потратилось при разговоре о спиритизме, но вместо пытливости родилось одно любопытство, да на подходящей почве стали развиваться семена мистицизма; они почти не проглянули в печати, не имели той смелости, какую заявили первые ученики А.Н. Аксакова, но существование их видно в частных примерах, вероятно почти всем вам более или менее известных. А мистицизм – детство мысли, развитие его – застой, а не прогресс знания, за который так смело и прекрасно говорят наши спириты.

Чтобы противодействовать распространению мистицизма, чтобы удостовериться компетентным образом в существовании спиритических явлений, чтобы удовлетворить склонности к пытливости, чтобы снять наконец с ученых упрек индифферентизма, который дает спиритам многих адептов, образована была в майском заседании сего года при Физическом обществе комиссия, составленная только для рассмотрения спиритических или медиумических явлений, причем выражена была надежда, что наши спириты не откажут комиссии в возможности видеть, испытать и подвергнуть разоблачению, если обман существует, те явления, которые совершаются в присутствии медиумов. Можно надеяться этим путем дойти до истины и если есть в самом деле что-либо еще неизвестное между явлениями, считающимися за спиритические, то будет случай встретиться с ним.

Первые два майские заседания комиссии были учредительными.

Господа Аксаков, Бутлеров и Вагнер, как и должно было ждать, с радостью приняли участие в занятиях комиссии, разъяснили ей многое, учили членов ее, что должно делать для успеха сеансов. Мы слушались этого все время и будем, по возможности, продолжать делать это, чтобы не было речи о том, что устранены условия успеха ожидаемых явлений. Мы желаем успеха, будем терпеливо ждать его; а когда он будет, когда явится необычайное, будем мало-помалу изменять условия опыта, потому что не все же время мы будем действовать под указкой спиритов, мы собрались для того, чтобы осветить спиритические факты, а не прямо записываемся в число спиритов.

Дело было организовано следующим образом: комиссия постановила первоначально заняться простейшими медиумическими явлениями, более доступными изучению, считая медиумо-пластические наиболее сложными. Ведь, в самом деле, неудобно же было бы начать дело прямо с образования частей тела или целых фигур, как неудобно ознакомление с химическими соединениями начать с изучения веществ, образующих тело животных или растений.

На свои занятия комиссия назначила время с сентября 1875 по май 1876 г. и постановила составлять после каждого заседания протоколы, в которых подписываются свидетели со стороны медиума, число коих предположено не более трех.

Со своей стороны, А.Н. Аксаков обещал позаботиться о приискании медиумов, столь необходимых для вызова спиритических явлений. И с каким успехом выполнил он это! Осенью, в конце октября, А.Н. Аксаков привез из Нью-Кэстля двух медиумов, г-д Петти, и предложил еще медиума г-на Монка, живущего в Бристоле. Комиссия предложила начать с теми, кто уже есть, тем более что медиумические способности г-д Петти Александр Николаевич лично удостоверил и подтвердил свои слова, цитируя 16 печатных заявлений о медиумизме Петти, найденные им в спиритической литературе. С г-ном Монком предположено начать сеансы в январе 1876 г.

Сеансов комиссии с медиумами Петти было шесть, но два первых назначались для ознакомления медиумов с лицами, принимающими участие в сеансах. Во всех сеансах со стороны медиумов свидетелями были г-да Аксаков и Бутлеров. Местом сеансов служила моя квартира в нижнем этаже здания университета. Одна комната с двумя большими окнами и нишей была избрана А.Н. Аксаковым, и в ней была устроена загораживающая нишу и идущая с полу доверху шерстяная занавесь с пространством сзади нее, достаточным для помещения стула.

В предварительных заседаниях комиссия познакомилась с г-дами Петти. Приехали отец и два его сына. Отец не медиум, по словам свидетелей. Он бывший кузнец и каким-то случаем потерял одну ногу. Медиумы – его два сына, Уильям и Жозеф. Старшему из них лет 17, младшему лет 12–14. Оба они бодрые на вид, славные мальчики, особенно младший, в глазах которого виден ум и любознательность. Говорят они на жаргоне, трудно понимаемом, переводил их речи нам все тот же неутомимый А.Н. Аксаков.

Специальность медиумов Петти, по словам свидетелей, составляют:

1. Сеансы в полутемной комнате перед занавеской, когда колокольчик ставится на полу за занавеской и медиумы сидят перед занавесью. Спиритическое явление, ожидаемое при этом, есть звон колокольчика.

2. Сеансы младшего медиума около стола, при слабом свете, когда вблизи положена пропускная бумага (бибула). Ожидаемое спиритическое явление составляют капли на бумаге.

3. Сеансы в совершенно темной комнате вокруг стола, когда присутствующие держат друг друга за руки, а на столе поставлена клетка с запертым внутри ее колокольчиком. Ожидаемое спиритическое явление составляет движение всей клетки и отдельно звон колокольчика.

Другие роды медиумических явлений, сколько известно, не совершаются в присутствии Жозефа и Уильяма Петти. Был приготовлен особый стол с манометрами, могущими показывать меру давления рук на стол, но попытки за этим столом были неудачны, стол не двигался, потому вероятно, что столоверчение не относится к специальности медиумов Петти.

В сеансах, когда посторонний свет, попадающий от окон, устранен двойным слоем наложенного на окно колленора, когда свет лампы был убавлен до полутьмы, а музыкальный ящик заведен и играет, медиумы Петти легко впадают в транс и тогда ведут разговоры от имени духов, из которых одного зовут Чико, другого не помню как. В этом разговоре часто являются требования содействовать успеху сеанса уменьшением света, определенным расположением присутствующих и иногда предначертания условий на будущие сеансы. Все предписываемое при этом исполнялось членами комиссии всегда с одинаковой готовностью и пунктуальностью.

Вот обстановка четырех сеансов, которых протоколы я теперь буду иметь честь прочесть вам. Они подписаны присутствовавшими членами и свидетелями со стороны медиумов.

(Читаны затем протоколы 6, 7, 8 и 9-го заседаний комиссии)

После заседания 20 ноября комиссия, ожидающая, согласно желанию Александра Николаевича, еще 36 сеансов с медиумами, имела еще одно, 10-е из своих заседаний, 21 ноября текущего года. В нем комиссия обсуждала виденное у братьев Петти и пришла к заключению... Вместо него я считаю более удобным рассказать следующий случай, памятный мне со времен моего студенчества и рассказанный нашим бывшим профессором ботаники Шиховским. Имена я забыл, но сущность дела, кажется, ясно помню.

Где-то, кажется в Японии или Китае, путешествовал некоторый весьма известный ботаник, интересовавшийся местной флорой; он особенно занимался новыми формами растений и был очень рад, когда их находил. Один из туземцев, знавший страсть ботаника к новым растениям, доставил ему из одного трудно достигаемого места несколько экземпляров совершенно нового растения с цветами. Растение это описано и изображено. Оно представляет формы действительно необычайные, небывалые сочетания частей, можно сказать, совершенно из ряда вон всех понятий ботаников. Ботаник окрестил его именем, о нем писал мемуары, только другие останавливали недолго внимание над его формами – ибо они было недостижимой редкостью, уникалы, да притом никто из ботаников сам его не видал в живом состоянии. Кто-то из знатоков дела анализировал описание и рисунок, нашел, что цвет представляет сочетание таких-то и таких далеких друг от друга семейств растений, а потом хорошенько порассмотрели имевшиеся экземпляры, и оказалось, что цветок склеен весьма искусно из частей, взятых от разных растений.

Вы ни минуты не станете затрудняться в приискании слов, характеризующих поступок туземца. Вы, однако, не бросите камнем в ботаника, которого обманули, пользуясь его страстью к науке.

А я прибавлю от себя, что не осудил бы ботаника, если бы он поместил в «Русском вестнике» статью о новом найденном им растении и о переполохе в ботанической систематике, вышедшем из-за нового растения, но, может быть, восстал бы против его речей, когда бы он стал строить на единичных виденных им фактах новую систему упреков ученым в ретроградности их понятий – за то, что они не поспешили переполошиться. Так восстаю я здесь против

упрека в том, что противники спиритизма служат представителями тех, которые всегда ратовали против прогресса, а это написано в статье моего почтенного друга и товарища А.М. Буллова на страницах «Русского вестника» за ноябрь 1875 г. В горячке защиты своих мнений спириты не замечают, что поступают неосторожно, притесняют людей науки.

Но, господа, это дело домашнее, так или иначе, мы сами в нем устроимся.

Ваше внимание и участие обратите на других, пожертвуйте действительно притесненным, борющимся и страдающим, восставшим, наконец, в Балканах против своих притеснителей. И у них явился дух, но какой могучий и бодрый. Со стороны родной видно, что этот рано или поздно победит. Вот их и поддержите.

Два публичных чтения о спиритизме

24 и 25 апреля 1876 г. в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым и школ и Русского технического общества, читанные в С.-Петербурге, в аудитории «Соляного Городка» Д. Менделеевым

Лет за 20 тому назад в Америке, а затем и в Европе, стало распространяться то спиритическое учение, которое в наши дни поддержали многие ученые. Они связали и словами и мыслями новое с явлениями древней индийской магии, перепутали с суевериями и стремятся сделать из всего учения, выражаясь их словами, «мост для перехода от знания физических явлений к познанию психических». Кому же не лестно быть строителем такого моста! Однако школы, ученые и литераторы, сочувствуя которым вы собрались здесь, не погнались за концессией на этот мост, не приняли учения спиритов, посмотрели на него, как на старые сваи, на которых давно и безуспешно задумана была подобная постройка, не ступили на гнилое дерево. Отвергнутое приютилось в кружках, но недавно выступило смелее, захотело иметь новых адептов, стало для того клеймить неверящих, громко утверждало непризнаваемое – и успело поколебать немало умов. Признайте только, говорило оно, эти факты реальны и правдивы, а следствия из них сами. Да, эти следствия у всех на памяти, их слышали от нянюшек, – и многие вспомнили и соблазнились. Старые суеверия выплывали. В этой связи давних суеверий с новым учением – весь секрет интереса к спиритизму. Разве стали бы столь много писать и говорить о любом другом ученом разноречии, не стой тут сзади дух, няня и любезное многим детство народов. Помирили сказку с наукой – это увлекательно, и спириты свое сделали – заставили говорить и разбирать их учение. Их расчет прост, хотя и ошибочен: они надеются найти поддержку в массах, мало знакомых с науками. Они и помнили и забывали, что эти массы имеют свой здравый смысл – верный союзник наук и движения, что они, однако, идут за немногими, что наука не преследует, не сжигает, не налагает запрещений, что она не боится движения вперед, но они упустили из виду, что для науки безразличен приговор масс и отдельных ученых, что наука уже не ветреное дитя, что она зрелая мудрость времен, что против их оружия можно действовать подобным же, что научное поле им придется взять с бою...³

Но довольно для уяснения общей картины – обратимся лучше к подробностям, они отчетливее рисуют положение вопроса. Начальное физическое явление спиритизма составляют стуки, раздающиеся при наложении рук на стол, и движения самого стола. Весьма скоро убедились опытом, что спиритические стуки могут слагаться условным образом в осмысленную речь; заметили затем, что разговор стуками (тютотология) имеет смысл, какой бы придал речи медиум или то лицо, сидящее за столом, в присутствии которого стуки происходят. Ничего иного в речах спиритических сеансов не узнали, кроме того, что могли бы услышать из уст медиума.

Физическая сторона дела несомненна, т.е. стуки в спиритических сеансах происходят. Вопрос состоит в том, что стучит и обо что? Тут не два первичных вопроса, а один. Всякий стук есть колебание воздуха, следовательно, для произведения звука нужно средство привести воздух в колебательное состояние. Спрашивается поэтому: что же приводит здесь воздух в колебание?

На это отвечали весьма различно, и вот шесть главных вариаций ответов.

Медики, исследовавшие лиц, в присутствии которых звуки совершаются, нашли, что некоторые суставы и связки этих лиц могут производить самостоятельные звуки. Подобное этому происходит и при разговоре и при чревовещании – звучит внутренний орган тела. Здесь, значит, содрогается часть тела медиума. Произвольно или невольно издают звуки части тела медиумов – до этого не касались; да и нет нужды: пусть это будет произвольное движение, никому не было интереса его исследовать. И все же от стучащего нельзя ожидать ничего иного,

кроме того, что ему известно, а потому ясна причина того, что лицо это не может ничего иного высказать в сеансе, кроме того, что им ранее приобретено или узнано. Это будет тем более так, когда лицо это производит спиритические стуки преднамеренно и сознательно. Назовем эту гипотезу о природе спиритических звуков *органической*.

Вторая гипотеза состоит в том, что при наложении рук на стол происходят мускульные напряжения, которые выражаются колебательным их состоянием; в это состояние приходит и стол. Медиум, при известном напряжении воли бессознательно или намеренно, накапливает и суммирует эти мускульные движения в толчок, отвечающий потребному моменту. Здесь опять становится понятным то обстоятельство, что в речах, слагаемых спиритическими стуками, не слышно ничего иного, кроме того, что можно узнать от лица, звуки производящего. Гипотеза, высказанная здесь, может быть названа *механической*, потому что источник звука по этой гипотезе лежит в колебании стола или вообще предмета, к которому прикасаются части тела. Звучат стол, пол и другие предметы, к которым прикасается медиум.

Затем следует гипотеза *магнетическая*, которую с особым успехом развивает Шевиллар (A. Chevillard) в своих «Etudes experimentales sur certains, phénomènes nerveux et solution rationnelle du probleme spirite» (2 edit., 1875). Гипотеза состоит в том, что допускается нервная невесомая жидкость или нервный ток, подобный гальваническому, посылаемый волею и жизнедеятельностью от мозговых центров к органам тела. Нервы считаются проводниками такого тока. Припомните – еще Гальвани утверждал нечто подобное на основании своих классических опытов с лягушкой. Магнетизеры держатся подобного учения и поныне, хотя, со времен Вольта, в науке укрепилось иное мнение об опыте Гальвани. Животно-магнетическая гипотеза Шевиллара принимает, что вся поверхность тела людей испускает некоторую нервную жидкость, находится в некотором напряжении и подобно тому, как наэлектризованное тело рассеивает электричество, испускает из себя эту невесомую материю, приводит соприкасающиеся предметы в особое напряжение – сила преобразуется. Полагаю далее, что нервная жидкость может скопляться и переходить скачками, каплями, темными искрами и т.п., по воле лиц, сумевших управлять внутренним распределением нервной жидкости в своем организме. Эта жидкость может выливаться в некоторых случаях разом и тогда производит спиритический стук, подобно тому как у электрических скатов, или рыб, электрическое напряжение может передаваться электрическим ударом. Задатки этой гипотезы давние. В сочинениях Лавуазье есть отчет (1784) об исследованиях над животным магнетизмом. Там резюмировано учение Месмера, начинающееся пышною речью: «Всюду есть жидкость, легче ощущаемая, чем описываемая: Ньютон ее назвал *эфирною средою*; Декарт – *всеобщим двигателем*; философы – *мировым началом*. Свет, звук, запах передаются при ее помощи...» – и пошел в это поле. Много с этими понятиями билось, много раз доказывали, что фикция Месмера не приложима к фактам, что воображение – первый деятель в опытах магнетизеров. И все-таки эти понятия выплывают. Шевиллар стоит на этом же пути, хотя его мнение и заключает свои особенности. При его гипотезе, как и при двух предшествующих, совершенно ясно, почему в речах, слагаемых при помощи спиритических стуков, нет иного смысла, чем в речах лиц, сидящих за столом.

Эти три гипотезы, на мой взгляд, не заключают в себе ничего невозможного, и, будь опыты, их утверждающие, несомненны, их принял бы каждый натуралист. Они составляют центр многих других гипотез, объясняющих естественным образом спиритические стуки. Но есть две другие, крайние, диаметрально противоположные гипотезы, назначенные для объяснения стуков и других медиумических явлений: одна есть *гипотеза спиритов*, допускающая духов как причину стуков и других медиумических движений, а другая есть *гипотеза обмана*.

Гипотеза спиритов состоит в том, что души умерших не перестают существовать, хотя и остаются в форме, лишенной материи. Известные лица с особым развитием органической природы могут быть *посредниками*, «*медиумами*», между остальными присутствующими и этими духами, повсюду находящимися. В спиритическом сеансе от присутствия медиума духи ста-

новятся деятельными и производят разного рода физические явления и, между прочим, стуки, ударяя о тот или другой предмет, близкий к медиуму, и отвечая условным образом на вопросы, к ним обращенные. Гипотеза эта не объясняет прямо того, почему в речах духов отражается ум медиума, отчего у интеллектуального медиума речь духа иная, чем у неразвитого. Чтобы помирить это наблюдение с мыслью о духах, допускают глубокое влияние медиума на духов: под влиянием глупого медиума и умный дух тупеет, а глупый под влиянием интеллектуального медиума становится гораздо более развитым. Дух ребенка или жителя другой планеты может говорить только то, что знакомо или мыслимо медиумам, словом, по гипотезе спиритов, дух становится рабом медиума. Вот эта-то идея, столь сходная с идеею гномов и ведьм, чертей и привидений, и послужила главным поводом к распространению и обособлению спиритического учения. Говорят, что в Америке спиритическое учение пошло в ход благодаря некоторой комбинации с женским вопросом. В 50-х годах там этот вопрос времени был уже в значительном развитии. Медиумами же оказались по преимуществу женщины. Этим обстоятельством воспользовались. Образовались кружки, у которых основною идеею было доброе стремление к перемене тягостной во многих отношениях современной обстановки и к достижению лучшей при помощи спиритизма. Рассуждали так: женщина менее сильна, чем мужчина, оттого женщины зарабатывают меньше мужчин, которые, кроме того, изобрели себе в помощь множество механических деятелей, пользование которыми также требует не только силы, но и навыка, учения. Истинное равенство наступит только тогда, когда женщина будет в состоянии доставлять одинаковое с мужчиною количество работы, и вот в спиритизме нашлось легкое для того средство. Если духи в состоянии производить звуки, значит, они производят механическое движение, работу; оказалось затем, что они способны вращать столы; так отчего же им не вращать машины?

Спиритизмом стали интересоваться для того, чтобы получить даровых двигателей.

Надеялись, что женский организм доставит этим путем со временем, когда, изучив дело, овладеют силами духов, значительное количество даровой работы, которой можно воспользоваться для практических целей. Не знаю насколько справедлив этот рассказ, но он дышит американскою практичностью⁴. Не подлежит, однако же, никакому сомнению, что в спиритизме многие, не удовлетворенные современным строем идей, современными принципами, видят какой-то исход к лучшему в будущем⁵. Грубый материализм некоторым, довольно странным, образом стремятся помирить с нравственными принципами, с поэтическими грезами. Ошибку расчета Полонский отлично выставил в своем прелестном стихотворении «Старые и новые духи», помещенном в «Неделе»⁶ Гипотеза спиритов оказалась удобною для всех тех, кто не оставил еще уверенности в существовании привидений, домовых и тому подобных воображаемых интеллектуальных существ; но она недопустима при современном строе понятий, господствующем с тех пор, как поняли, что сожигание за колдовство есть одно и то же, что и преследование религиозных верований. Восстают против спиритизма преимущественно потому, что со спиритическими явлениями теснейшим образом связана изложенная гипотеза о духах. Самое учение о стуках и движениях, материализации и т.п. получило свое название вследствие того, что верящие в эти явления неразрывно связывают признание их реальности с гипотезою о духах⁷. Шевиллар, проводящий понятие об изливающейся нервной жидкости, и тот, хотя допускает ни на чем не основанное понятие о существовании самостоятельного нервного тока, исходящего из организма, – и тот со смехом отвергает гипотезу спиритов.

А спириты говорят часто, что современники – грубые материалисты, особенно естествоиспытатели, не признают их гипотезу, потому что ее боятся – она рушит будто бы все. Натуралистам, однако, не чуждо, а напротив, вполне свойственно допущение гипотез на первый взгляд бездоказательных, фантастических, духовных, предвзятых; так, например, они признали жизнь во всем мертвом, движение в каждом твердом теле, в каждой малейшей частице жидкости,

чрезвычайно быстрые поступательные движения в атоме газа. Для них оживотворено то, что в общежитии считается неподвижным. Им немислимо ныне представление о малейшей частице материи, находящейся в покое. Со времен самого Ньютона они не довольствуются даже допущением притяжения на расстояниях, ищут для его объяснения посредствующей среды. Они свободно принимают и обсуждают самые разнообразные допущения, могущие осветить понятие о притяжении и отталкивании. В частичке вещества химик видит, как бы ощущает отдельные части, независимые органы и общую связь частей; словом, для него это есть целый организм, живущий, движущийся и вступающий во взаимодействие. Все работы химиков этим проникнуты, и они знают, однако, что не доберутся до того, чтобы выделить и видеть эту частичку, как выделяют растительную клетку. И это все отвлечения, не менее далекие от обычных явлений, чем то, по которому воображают существование духов. Следовательно, не из-за грубости фантазии, не из-за прошлого резонерства, – которое гласит часто: «Вынъ да положь – тогда поверю», – естествоиспытатели отвергают гипотезу духов. Одни гипотезы они признают, проверяют, в их смысле работают, другие резко отвергают. Гипотезу об истечении световой жидкости как о причине световых явлений отвергли и заменили ее другою, гипотезою колебаний невесомой, не знаемой, всюду находящейся жидкости, хотя за первую говорил Ньютон, а за вторую только менее известный его современник – Юнг. Та и другая одинаково фантастичны, и в этом отношении одинаково подобны гипотезе хоть бы спиритов. А как часто приходится слышать упреки натуралистам в грубом материализме!

Признать ту или другую гипотезу или ее отвергнуть волен всякий, но не всякий ученый и не каждый раз говорит – как наука. Наука существует отдельно от ученых, живет самостоятельно, есть сумма знаний, вырабатываемых всею массою ученых, подобно тому как известное политическое устройство страны вырабатывается массою лиц, живущих в ней.

Авторитетна наука, но не отдельные ученые. Ученый только тогда может и должен пользоваться авторитетом, когда он следует за наукою, подобно тому как в благоустроенном государстве авторитетом власти пользуется только то лицо, которое блюдет законы.

Для объяснения данного явления всегда возможно составить много гипотез, и признание той или другой из них тем или иным ученым есть дело личного вкуса; но в науке укрепляются, т.е. научными гипотезами становятся и затем незаметно переходят в жизнь, в школу, в литературу только те, которые обставлены целым рядом исследований, принятых массою ученых, подобно тому, как законом становится то, что приобрело в стране известную формальную обстановку. Гипотезу о духах наука отвергает, хотя есть такие ученые, которым она пришлась по вкусу.

Пусть медиумические стуки раздаются, – пусть они реальны, составляют факт несомненный. От этого спиритическое учение ни на волос не двигается вперед. Спиритам, утверждающим, что эти звуки производятся духами, да им, а никому другому, должно затем доказать, что ни органическая, ни механическая, ни магнитная гипотезы не пригодны для объяснения причины медиумических звуков, что в них нет ни самообмана, ни обмана, и затем, что спиритическая гипотеза состоятельна, фактам удовлетворяет – ничему известному не противоречит, составляет шаг познания вперед. Так должно было бы идти спиритам, если бы они желали следовать по пути действительного научного прогресса. А они взяли путь, каким распространяются суеверия: «Поверь, я говорю не лживо. Не думай, а признавай – остальное придет само; истина прекрасна. Не мечтай о себе много – ты еще ничего не знаешь». Этот кодекс слышали люди и прежде, услышат и еще не раз. Он чужд науке. Она не рвется к тому, чтобы ее признали. К ней идут, ее ищут – она ни в ком не нуждается. Ее адепты – люди со всеми их свойствами, а она, хоть и их дело, – чужда людских пороков, не гонится за признанием. «Не верите – ваше это дело, у меня есть свое поле, придет время – узнаете и сами. Затворитесь – я пройду. Мне не надо ни мучеников, ни апостолов. Только размышляйте, не живите как растения». – Вот что гласит наука. И этого – держится масса ученых. Тут есть еще следы затворничества. От этого-

то и мало популяризации истинной науки. Уверен, что дело со временем изменится, но это будет еще не скоро, многое до того изменится – раньше, много до той поры должно пропасть суеверий.

Итак, современная наука отвергла гипотезу духов не потому, что боится ее, не из-за ее бойкости, а от того, что спириты хоть и ставят ее, но ничем не доказывают, не связывают с готовым уже запасом знаний, стройность развития которых такова, что лозунгом наук стало понятие о единстве сил природы.

Прямо противоположна гипотезе спиритов *гипотеза обмана*, по которой причиной спиритических явлений служит обман, производимый медиумами в сеансах. Сами спириты помогают распространению этой гипотезы, потому что окружают медиума мистической обстановкой: темнотою, полутьмою, удаляют, когда вздумается, наблюдателей, в особенности не доверяющих спиритизму, – считают спиритические явления капризными, редкими, трудно уловимыми, так сказать, духовными. Ученый любит капризные явления, редкости – уника. Он стремится проникнуть в их тайну и бережно до поры до времени сам блюдет ее, ревниво закрывает от других, пока не добьется ее раскрытия⁸.

По гипотезе обмана объясняли стуки снарядом, спрятанным под платьем медиума, или движением, нарочно производимым каким-либо другим образом, например трением рук о прикасающиеся предметы или движением стула или стола по полу и т.п. Это кажется иным очень пошлым, чересчур обыденным, оттого ненаучным. Надо заметить, однако, что наука не прихотлива – ничем не брезгует. Снятие фотографических портретов с духов умерших объяснилось подлогом, производимым фотографом, снимающим на одну пластинку двукратные изображения. Звон колокольчика, появление рук и целых человеческих фигур, по этой гипотезе, есть дело такой же ловкости, какую отличаются фокусы и тому подобные магические представления. Существование этой гипотезы основывается на множестве общеизвестных фактов, когда спиритические медиумы были изловлены в обмане. Известны, вероятно, вам многие процессы, в которых обман медиумов был изобличен на суде.

Гипотеза обмана выводит из себя спиритов; они говорят: «Да, мы видим, мы свидетельствуем, что обмана нет, мы сами следим за медиумами, мы также не упускаем из виду возможности обмана; но его нет в тех медиумических явлениях, которые мы описываем, хотя обман и возможен в сеансах». Просят обыкновенно указать – да как же делается то-то и то-то? Требуют на то доказательств. Забывая, что сами должны доказывать, – они становятся обвинителями. Те же из спиритов, которые действовали на каком-либо ученом поприще, обыкновенно при этом прибавляют: «Ведь верите же вы тому, что я открыл то-то и то-то, хотя сами этого не поверяли; отчего же вы не верите тому, что я утверждаю на этот раз?» При этом смешивается признание факта и объяснение, ему придаваемое. Факт может быть совершенно верен, т.е. стуки могут быть, стол может качаться и подниматься, и это спирит, верящий духам, рассказывает совершенно точно; но из этого, однако, вовсе не следует, чтобы верно было и то его заключение, что обмана нет, что спиритические явления составляют научную новость. Утверждают, что обманывает медиум стучащий, медиум-фотограф или братья Эдди или Уильямс, а не те ученые, которые описывают виденное. Эти только не видят обмана. Требуют доверия к умозаключению, а выставляется на вид недоверие к свидетельству чувств. В среде ученых есть обычай вовсе не говорить об обмане – и этот обычай блюдетя строго. Ведь наука – поприще свободное, ведь никто не толкает на него, зачем же обманывать или подозревать обман в свободном деятеле. Но бывает и здесь обман. Однако ученые сами были чаще всего жертвами обмана, и никто этого им в порок не ставит и ставить не должен. Медиумов между учеными никого неизвестно. Неужели и на медиумов перенести привилегию ученых?

Допускают гипотезу обмана чаще всего только потому, что она проста и к обстановке спиритизма совершенно подходит, не требует натяжек, словом, естественна.

Спириты приводят два возражения против гипотезы обмана. Это – личный опыт и существование медиумов, которые за сеансы денег не берут. О личных опытах много писано. Есть показания совершенно достоверные, но тогда много – что столы двигались, да слышны стуки, а это за спиритизм не говорит, ведь каждый может то же сделать; другое же подходит под шестую гипотезу, о которой дальше. Что же касается до вольнопрактикующих медиумов, то вспомните только лиц, каждому из вас известных, которые любят лечить, с апломбом спорят подчас с медиками; есть истинные любители лганья, есть ведь и такие, которые если чему-нибудь поверили, так поверят уж нацело, всей натурой, так отчего же не стать и медиумом? А главное то: разве не лестно быть посредником между сим и тем миром? Читайте, кроме того, Диксона – он умеет все это рассказать. В его сочинении «Духовные жены» дело спиритизма и тому подобных суеверий написано в образах. Тут они-то и нужны, в них виднее правдивость доказательств, будто бы отвергающих гипотезу обмана.

Как бы для противовеса двум общим доказательствам, часто приводимым спиритами противу гипотезы обмана, можно привести для ее подтверждения два общих соображения. Во-первых, замечательна *безвредность медиумических опытов* для испытывающих медиумическую силу, для зрителей. Исследование неизвестных сил природы, а тем паче производимое людьми малосведущими, весьма часто приводило к неудобствам, несчастьям и т.п. Ведь силы природы лишены людской деликатности, осторожности: медикам часто достается терпеть от больных, сколько знаменитых химиков – об одном глазе, сколько пострадало и сильнее. От громовых искр, от взрывов при опытах – погибло немало жертв науки. На представлениях фокусников этого не бывает. Не слышно этого и про медиумические сеансы. А дело здесь, говорят, идет о духах. Они вдруг оказываются такими же деликатными, как и живые люди; они как будто боятся привлечь суд, публику, полицию. В самом деле, на медиумических сеансах дело делается прилично, осторожно. Вынут платок, дернут его, возьмут кольцо и возвратят, материя, говорят, творится – дарят ее, но не пропадает, не рвется; слышны удары, но не очень громкие, а когда в сеансе дамы, тогда не гадают о числе прожитых лет. Да и совершается-то все на сеансах ожидаемое, редко бывают сюрпризы. Не таковы неведомые силы природы, они не деликатничают с дамой, действуют неожиданно.

Другим общим соображением, подтверждающим тождество медиумов с фокусниками, служит *специальность* медиумов. Там и тут нужно определенное лицо, знающее нечто в совершенстве. У иного медиума дело делается пред занавеской, и из-за нее вылетает колокольчик, у других этого не выходит, а для убеждения в правдивости требуется темнота и связывание, третьи искусились над подбрасыванием столов незаметным образом, четвертые умеют незаметно брызгать слюнями. Точь-в-точь, как иные фокусники показывают опыты с картами и голубями, другие с монетами и шляпами и т.д. Да не будет это сравнение в обиду господ фокусников. Они, впрочем, поняли, что спиритические медиумы их соперники, могущие с гипотезою о духах отвлекать от истинных, честных фокусников их зрителей, и потому всюду ведут открытую войну с медиумами, сами показывают все, что выдělывают медиумы. У иных, например, отлично столы подбрасываются, просто летают неведомо как. Но, кажется, что фокусники не дошли еще до всего, – и это их сердит⁹.

Очень характерно, что одна дама, забыл только имя, – слышал в Англии, – сперва показывала фокусы, а потом стала медиумом. Спириты не только ей верят, они даже говорят по этому поводу, что есть много фокусников, которые все делают медиумическими силами, только это скрывают, зная всеобщее предубеждение против медиумизма.

Для гипотез органической, механической и магнитной нет точных научных доказательств, есть, однако, возможность; для гипотезы обмана – есть доказательства юридические, одни возможно точные здесь. Для гипотезы спиритов нет никаких доказательств, мало и для шестой гипотезы о самообмане, галлюцинации, экстазе верования, предвзятой идее и тому подобных понятиях. Согласно ей иных спиритических явлений нет вовсе, а они только кажутся

тем, кто их ждет. Так, описывая сеанс с Юмом, Суворин пишет: «Дамы вообще любят преувеличивать вещи; холод, чувствуемый на поверхности рук, я приписываю чисто воображению, обману чувств, который в подобных сеансах, по моему мнению, играет весьма значительную роль. В этом всего легче было убедиться на моих соседках, из которых одна... постоянно бралась за лицо свое и говорила, что чувствует к нему прикосновение чьих-то пальцев». Эта гипотеза субъективна и при современных приемах науки не может быть обставлена надлежащими прямыми доказательствами, потому что, по сущности, представляет абстракт, а мы еще не умеем доказывать их объективно¹⁰.

Скажите соседке Суворина, что ее никто не трогал. Она с полным правом будет утверждать противное. Она могла видеть того самого духа, который трогал ее, – другие только не видали, и вы ее ничем не уверите, что духа не было. Она, пожалуй, вас же будет еще жалеть, что ваша натура настолько груба, что духовного видеть не может.

На гипотезу самообмана могут с одинаковым правом опереться как те, которые признают спиритизм, так и те, которые, его отвергают. Недавно Н.П. Вагнер утверждал, что нечто, виденное мною в медиумическом сеансе, было моею галлюцинацией, зависящею будто бы от предвзятой моей идеи насчет того, что медиумических явлений не существует. Оставаясь на подобном поле, легко впасть в тот род идей, по которому внешнего мира не существует, он только представляется нашему уму. Замечу, однако, что гипотеза самообмана почти не имеет веса при наблюдении данного явления сразу многими наблюдателями, а особенно при наблюдении с помощью приборов, которые, преобразуя известное явление, дают некоторое другое, оставляющее след.

Естествоиспытатели стараются всегда обставить свои наблюдения и опыты такими условиями, уменьшающими шанс самообмана. Я не стану более возвращаться к гипотезе самообмана. За нее есть авторитеты, но для практики изложения она неудобна. Одно *видоизменение* этой гипотезы, однако, может применяться. Предубеждение, экстаз, и это, несомненно, могут помрачить не глаза, а разум. Это может быть показано с очевидностью. Немало этому видим примеров в развитии спиритизма и у нас¹¹.

Итак, есть спиритические явления и шесть родов гипотез, их объясняющих. Хотя спириты тесно связали свою гипотезу с самим существованием спиритических фактов, утверждая, что видевшие спиритические явления не могут подыскать ничего лучше их объясняющего, чем гипотеза духов, однако, разбирая спиритизм вообще, должно ясно отличать факты от гипотез. Спиритическая гипотеза может быть совершенно неверною, а спиритические факты могут быть самостоятельны, не зависеть ни от обмана, ни от самообмана, происходить, например, от нервных токов или согласно гипотезе органической или механической. Можно восставать, бороться против гипотезы, но мириться с фактами; но можно также быть спиритом по духу и не признавать спиритических фактов; есть и долго еще будут люди, верящие в чертей и отвергающие спиритические факты.

Отлично выставлено подобное положение вопроса о спиритизме г-ном Достоевским в его № 1 «Дневника». Когда же рассматривается спиритизм, с чьей бы ни было стороны, – нельзя избежать связи между фактами и их объяснением. Допустим, что все эти факты – обман или самообман, должно отвергнуть самые факты, как реальные. Допустим духов, способных принимать материальные формы, производить стук и другое движение материи (стола, колокольчика и т.п.), – должно исключить самообман и обман. Можно притом думать, что одни явления действительны, другие кажущиеся, третьи обманные, четвертые физические, что есть и органические и т.д. Констатировать факт как *медиумический*, не значит просто описать виденное и признать одну из четырех первых гипотез, а значит непременно отвергнуть две последние. Следовательно, рассматривая спиритизм, необходимо вдаться в поле гипотез: одни отвергнуть, другие признать; иначе нет и рассмотрения.

Предлагая в мае прошлого года в Физическом обществе учреждение Комиссии для рассмотрения спиритических явлений, я был проникнут этими последними мыслями. Желание комиссии при учреждении состояло именно в том, чтобы *снять со спиритизма путем исследования печать таинственности*, выделить, коли найдутся, между медиумическими явлениями не подложные, такие, которые достойны дальнейшего исследования ученых при современном состоянии науки. Первое подробное, со всеми мотивами, известие об учреждении комиссии дал в газетах Александр Николаевич Аксаков, напечатавший целиком мое заявление, сделанное в Физическом обществе. Двенадцать членов этого общества, образовавшие комиссию, не были спиритами ни со стороны фактической, ни со стороны гипотезы, т.е. фактов они не видели или видели мало, многие из них им казались подозрительными; в спиритическую же гипотезу никто не верил. Путь, который был избран комиссией для достижения своей цели, состоял в том, что пригласили (на то было уже предварительное согласие) трех всем известных представителей у нас спиритизма, г-д Аксакова, Бутлерова и Вагнера, показать пред лицом комиссии те спиритические явления, которые они считают за несомненные¹². Они рекомендовали обратиться к медиумам. А.Н. Аксаков обещал доставить таких лиц. Должно было думать, что в явлениях, которые будут производимы медиумами пред лицом комиссии, не будет подложных, не будет и тени возможности для подлога; что спириты сами позаботятся устранить всякий повод к допущению гипотезы обмана и самообмана; что они позаботятся облегчить расследование спиритических явлений, освещение их со всех сторон, нужное для рассмотрения. Мы собрались не *смотреть*, а *рассмотреть* медиумические явления, и эту цель свою выразили кратко в названии комиссии. Различие рассмотрения от простого смотра, конечно, каждому понятно.

В прошлой публичной лекции, бывшей в декабре 1875 г., я имел честь изложить результаты четырех сеансов с медиумами Петти, привезенными г-ном Аксаковым из Нью-Кэстля. В их присутствии происходили так называемые медиумические явления. Напрасно думают многие, что явлений, называемых медиумическими, совсем не было; правда, что они неоднократно, против ожиданий, не совершались; но были случаи, что они и происходили: вылетел колокольчик из-за занавески, было слышно шуршание как бы по бумаге, и медиум прямо говорил, что это дело духов, какого-то Чико, присутствующего около медиумов, Уильяма и Джозефа; было перемещение клетки, звон в ней колокольчика; являлись капли на бумаге, положенной на стол перед медиумом, утверждавшим, что эти капли произведены не им, что это есть медиумическое явление – значит материализация. Явления эти, по свидетельству наших спиритов, повторялись не только у нас, но и у них в домашних сеансах и составляют пример медиумических, достойных изучения.

Из всего виденного комиссией у братьев Петти не оказалось, однако, при рассмотрении ни одного факта, требующего для своего объяснения какой-либо из вышеприведенных четырех первых гипотез.

Представьте себе положение людей, которым обещают показать нечто новое, интересное, положим, хоть медиумический свет, а показывают зажженную свечу и говорят: «Да это-то и есть то, что мы считаем новым, достойным изучения, особого внимания». Все до одного так называемые спиритические факты у Петти оказались притом делом не хитрым, потому что самые простые меры, принятые на первый раз комиссией, изобличили природу каждого из фактов, считаемых за медиумические. Не стану повторять того, что сообщил в прошлом публичном чтении, и прямо скажу, что братья Петти оправдали пятую гипотезу и признаны были комиссией обманщиками.

Поджигателя не видели с факелом в руках, а поджигателем признали. Таков суд современности, приговор – дело совести.

Но это не должно было бросить тени на остальных медиумов; остальные могли быть совершенно свободны от обмана. Медиумов братьев Петти должно было признать обманщи-

ками, но из этого не следовало, что и все медиумы таковы; подобно тому, как в каждом сословии, в каждой профессии есть честные люди и обманщики. Одно только надо было признать, сверх пятой гипотезы, что наши спириты очевидный обман не видят. Они не стремились облегчить дело разьяснения, а требовали сеансов или в совершенной темноте, или в полутьме, требовали завода музыкального ящика, звуки которого мешали уху руководить наблюдателей в темноте; они прямо выставляли, как доказательства действительного существования спиритических явлений, производимых братьями Петти, такие как бы научные факты, которые этого характера вовсе не имеют; так, например, за доказательство того, что капли, являвшиеся перед одним из братьев Петти, не образованы слюною этого последнего, они выставили то обстоятельство, что под микроскопом в этих каплях не оказалось слюнных телец, как будто бы слюнные тельца составляют всегдашнюю принадлежность выделений слюнных желез. Мало того, вскоре после моего декабрьского публичного чтения, в котором я старался воздержаться от всякого личного суждения, читал протоколы, они перешли к обвинению всей комиссии в предвзятом предубеждении против медиумизма и на этом основании затем свой отказ в содействии. Дело превратилось из научного исследования, могущего привести к разьяснению, в борьбу убеждений. Не мы тому виною. Не мы начали дело порицания по газетам и журналам. Иль было молчать? Того хотели и прямо говорили: «Ничего не видели, – ну и молчите». Не стану я здесь полемизировать – дело сложно и мало содержательно. Перейду к существу дальнейших дел комиссии. Однако для ясности сделаю некоторое отступление.

Представим себе, что некто явился бы с изобретением новой машины и стал бы утверждать про нее, что никакой затраты не только в денежном, но и в физическом смысле она не требует. Взались бы иные ее исследовать и не заметили бы тех затрат, стали бы на сторону изобретателя и подняли бы курс утверждаемого. Но сколько бы таких лиц ни было, в науку не вошло бы утверждаемое изобретателем и его последователями, пока они этого не доказали бы чем-нибудь другим, кроме своих заверений, пока они не опровергли бы существующего в науке, не объяснили бы причины общего заблуждения. Это потому, что в науке твердо стоит, основанное на множестве фактов, то представление, что работа не может образоваться иначе, как при затрате какого-либо другого рода движения, какой-либо другой работы, в физическом смысле. Но может быть утверждаемое наукой не верно? Ведь есть же прогресс в науке; есть же эпохи, когда признаются в науке за истину положения неверные. Таково ли или нет положение вопроса о сохранении сил, – это, наверное, решил бы спор между последователями изобретателя и теми, которые держатся обычного, утвердившегося в науке представления; первые были бы в одном лагере, вторые – в другом. Таков обычный путь научного прогресса. В старину противники вели бы силлогистический спор, они только и делали бы, что упрекали бы друг друга в предубеждении, в предвзятой идее, в нелогичности ее хода, писали бы и все бы писали. Вот тогда-то, когда господствовал подобный прием в разборе явлений, тогда-то и жили твердо ложные учения и суеверия, не подвигалось научное знание вперед. Ныне же, вот лет уже 200, действуют иначе; предмет научного спора в науках стараются обследовать фактически: в истории – по документам, в филологии – по живым и мертвым языкам, в опытах науки – на опыте. При этом главная работа выпадает, конечно, на долю тех, кто утверждает нечто новое. Они всеми силами стремятся доказывать утверждаемое на опыте тем, которые отвергают. Они вызывают, они рады испытанию, – к тому побуждает их сила убеждения. Проповедники новых идей относятся к недоверию с признательностью, потому что, если они убеждены в истине, они тем большую получают славу, когда покажут справедливость утверждаемого ими на опыте, пред лицом людей, не верящих новому открытию. И вот наши изобретатели предстают во всеоружии пред лицом людей, готовых видеть, но готовых и сомневаться. Изобретателя вызывали. Они заверяли. Им говорят: «Покажите». Согласились, стали показывать и сами видят, выходит неладно, ничего не показывается, и те, кто взялись смотреть, не видят ничего нового. Представьте же теперь далее, что изобретатель и все последователи его взяли бы, да и бросили все

дело, сказали: не хочу, добирайтесь сами. Вот это и вышло затем в комиссии с нашими изобретателями новой системы научных мостов. Разве Отто Герике отказался бы от опыта, когда бы кто-либо стал утверждать, что его два магдебургских полушария, из которых выкачан воздух, удерживаются между собою не воздушным движением, а при помощи подлога, хотя бы, например, склеивания. Он был необычайно рад этому: это предубеждение против возможности действия воздушного давления на полушария было для него чрезвычайно полезно; он с радостью встретил лиц, которые сомневались, ибо ему легко было доказать их ошибку и справедливость того, что он не склеивает полушарий, что не клей и ни другой какой-либо способ скрепления, а воздушное давление составляет силу, удерживающую магдебургские полушария друг с другом с такою крепостью, что потребовалось двадцать лошадей для того, чтобы разорвать два между собой сложенные, необыкновенно большие, им нарочно приготовленные полушария, из которых был выкачан воздух. Герике сделал свой опыт на площади – созвал всех смотреть.

Таким понимали мы и положение наших спиритов; им представился случай доказать пред лицом неверящих не только справедливость спиритических фактов, но и верность спиритической гипотезы. Мы думали, что спириты приготовили для нас что-либо разительное, несомненное, изгоняющее сомнение с очевидностью. Таковы были, в самом деле, и первые шаги спиритов в комиссии. Они охотно пошли на дело исследования. Они уже устранили Петти, медиумов, оказавшихся обманщиками, доставили затем следующего сильного медиума, обещали целый десяток, требовали много, много времени для наблюдений. Судите сами: вот что заявляет от 2 января 1876 г. Александр Николаевич Аксаков, извещая комиссию о прибытии нового медиума.

«Велись переговоры с одною частною особою, известною в лондонских кружках по своим медиумическим способностям. Эта особа есть та самая дама, с которою были произведены опыты Круксом, описанные им в его статьях и приведенные на с. 128 брошюры “Спиритизм и наука”: “Эта дама не медиум по профессии, она согласна, однако же, ради исследования, предложить свои услуги всякому человеку науки, мною (пишет Крукс) ей представленному”. Такой отзыв г-жа Клайер оправдала, – продолжает Аксаков, – изъявив согласие приехать сюда, чтобы предложить свои услуги комиссии».

Следовательно, Крукс ей рекомендовал поездку сюда. Далее г-н Аксаков пишет:

«Специальность г-жи Клайер составляют сеансы за столом при свете. Обычные явления при этом: движения стола и других предметов при прикосновении и без прикосновения, изменение тяжести предметов, стуки в столе, полу и других частях комнаты, а через них и весь ряд диалогических явлений. Медиумизм г-жи Клайер совершенно подходил, сколько я могу судить (пишет Аксаков) по личному опыту, для испытаний манометрического стола. Произведенный с нею Круксом опыт инструментального констатирования объективности звуковых медиумических явлений едва ли не первый, удавшийся в этом роде; имею основание думать, что Комиссия не упустит настоящий случай, чтобы повторить его».

Итак, дама, г-жа Клайер, явившаяся теперь как медиум перед комиссиею для показания медиумических явлений, не есть наемный, профессиональный медиум, а есть любительница истины, ради ее достижения прибывшая к нам из Англии. Ничего лучшего нельзя было ожидать. Мы не думали допускать дам, – но на этот раз приняли. Не могло и быть в мыслях, что здесь будет подлог; нельзя было и думать, что обстановка сеансов будет подобна той, какая была у братьев Петти. Надо было ожидать, как и пишет г-н Аксаков, что дело исследований с г-жою Клайер пойдет весьма легко и верно, что приборы могут быть применены как бесстрастные указатели. Комиссия и занялась приборами. Первое, что нужно было сделать в этом отношении, это исследовать природу тех движений стола, которые происходят в присутствии медиума. Для этой цели в комиссии устроено было уже несколько столов, предполагалось устройство и разных других. Таковы, например, стол манометрический и стол с косыми ножками или пирамидальный.

Манометрический стол имеет вид обыкновенного, небольшого ломберного стола на 4-х прямых ножках; неподвижная, приделанная к ножкам, столешница у него имеется только по краям в виде двух узких полосок; между этими полосками кладется подвижная столешница, на которую предполагается помещать руки присутствующих. Между этой подвижной частью столешницы, покрытой сукном, и столом нет прямого сообщения, а столешница давит, при помощи косых брусков, под нею прикрепленных, на резиновые трубки, наполненные жидкостью, так что всякое давление, производимое на подвижную часть столешницы, передается, прежде чем столу, жидкости, заключающейся в трубках. От этих резиновых трубок, принимающих давление, производимое на столешницу, идут тонкие резиновые же трубки к стеклянным трубкам, или манометрам. Помещенные в другой комнате или вообще вдали от стола манометры эти указывают меру и направление давления, прилагаемого к столешнице. В стеклянных трубках манометров находится та же жидкость, как и в резиновых трубках. Когда на столешницу давить, резиновые трубки сдавливаются, и жидкость в стеклянных манометрах поднимается, и чем больше давление, производимое на подвижную часть столешницы, тем больше перемещение жидкости. Резиновые трубки так расположены, что сжимаются и при прямом и при боковом давлении, и притом в последнем случае сжимаются различные трубки, смотря по тому, в которую сторону направляется давление. Если мы станем двигать стол за ножку или за краевую неподвижную часть столешницы, жидкость не будет несколько перемещаться, но всякое, даже слабое, давление, произведенное на подвижную часть столешницы, отражается в манометрах значительным перемещением жидкости. При помощи этого манометрического стола можно было производить исследование над давлением рук присутствующих. Таким образом, положение и движение жидкости в манометрах дает меру приложенного давления и направление бокового давления. Чувствительность прибора видна из того, что каждому дыханию лица, сидящего за столом, отвечает заметное колебание жидкости.

С этим манометрическим столом можно было ожидать демонстрации и в пользу и против спиритизма. В пользу медиумизма могли служить, конечно, все те случаи скольжения стола по полу, при которых устранена возможность присутствующим касаться чего-либо другого, кроме подвижной части столешницы. Если в этом условии стол сдвинулся бы со своего места вбок и манометры не дали бы показания, или дали бы противоположное тому, которое отвечает давлению рук, производящему движение стола, должно было бы признать существование некоторой другой причины, кроме мускульной силы, производящей столодвижение. Только такой опыт был бы против допущения особой медиумической силы, когда бы стол в медиумическом сеансе двинулся и манометры при этом дали некоторое показание, а затем если бы произвести такое же показание манометров искусственным давлением (гириями, пружинами, руками) на столешницу, и стол опять бы также двинулся, как в присутствии медиума. Значит, манометрический стол давал бесконечное число шансов за спиритизм и только один шанс против него.

Хотя спириты и утверждают, что из 8 лиц есть один медиум в большей или меньшей мере, я в своих предварительных опытах с манометрическим столом перепробовал 15 лиц, и ни при одном не произошло никакого движения, отвечающего спиритическим понятиям. Весьма было бы поучительно, если бы пред лицом комиссии с манометрическим столом, при надлежащих предосторожностях, совершилось бы движение, необъяснимое мускульным давлением. При устройстве манометрического стола была еще и та мысль, что должно исследовать преимущественно столодвижение, как тот род спиритических опытов, который чаще всего практикуется, легче всего воспроизводится и который объясняется, помимо спиритических представлений, прямым, хотя иногда и не произвольным, мускульным движением и давлением рук на столешницу. Следовательно, манометрический стол был устроен для того, чтобы показать, есть или нет повод объяснять обычное в медиумических сеансах скольжение стола по полу чем-либо другим, кроме мускульного действия, сознательного или бессознательного, — это все равно. Идя понемногу, можно было надеяться дойти до чего-нибудь. Пришлось бы,

может быть, дальше что-либо изменить в конструкции прибора, но на первый раз можно было и так ждать результатов за или против.

И вот сели раз в комиссии с г-жою Клайер за манометрический стол тотчас после того, как простой столик и скользил, и качался, и подскакивал. Это указывало на заряд медиумической силы. С нашим столом никаких движений не было. А потом – сколько раз ни просили посидеть за манометрическим столом – все получали отказ: «Нет, станем сидеть за обыкновенным столиком», – говорили нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.